
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Мы шли к Победе через все преграды! / Сост. Н. Н. Сотников. СПб.: Алетейя, 2022. — 204 с.: ил.

Сборник прозы, поэзии и публицистики. Среди авторов — профессиональные литераторы, кинематографисты, газетные журналисты, воевавшие на Ленинградском и Волховском фронтах и современные. Первая честь книги, «Терве, Суоми!», посвящена так называемой Зимней войне (1939—1940). «Одно время, примерно до середины 80-х годов, — пишет во вступительной статье к разделу автор проекта и составитель Николай Николаевич Сотников, — почти полное безмолвие: в школьных учебниках — один обтекаемый абзац, в вузовских — сухая статистика. Нам, журналистам, давались „накачки“: „Не надо говорить: ВОЙНА. Надо говорить и писать: КАМПАНИЯ“. Но была и народная память. Семья наша большой никогда не была, но зато были верные друзья, а это фактически в ту пору — *продолжение родни*. Так вот, только у нас СЕМЬ человек сложили свои головы от финских пуль и снарядов». Среди авторов этого раздела участники событий. О буднях «неизвестной» войны повествует А. Романцев, перед войной — ответственный секретарь областного совета спортивного общества «Динамо», в годы войны — политработник, был комиссаром второго полка 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения, воевавшей на Карельском перешейке. М. Дудин рассказывает об обороне советской военно-морской базы на самой южной части Финляндии, полуострове Гангут (по-фински Ханко). СССР получил право управления полуостровом 12 марта 1940 года. Героическая оборона, начавшаяся 22 июня 1941 года и длившаяся 164 дня, стала символом мужества советских моряков. Почти полгода они продержались в фактическом окружении под постоянными атаками противника и ушли с Ханко непообежденными. К. Еськина, бывшая заключенная концлагеря, вспоминает о «финском рае для русских невольников»: голодный паек, болезни, грязь, истязания, надругательства, расстрелы. Атмосферу прифронтового города с затемнениями,

с синими лампочками в подъездах, с комендантским часом и настроения ленинградцев того времени, в первую очередь детей, прекрасно передал Леонид Пантелеев в рассказе «Новенькая» (1940). Вместе с новенькой одноклассницей соученики напряженно ждут известий об ее отце, летчике, пропавшем на финской войне, и весь класс радуется с ней, узнав, что ее отец жив. Современные журналисты, историки много внимания уделяют дискуссиям вокруг фигуры Маннергейма. «Спаситель Ленинграда», бывший генерал-лейтенант царской армии, движимый ностальгическими чувствами? Или однозначно враг русских? Миф о том, что «Маннергейм спас Ленинград», появился в начале 90-х годов, в основу его легли утверждения финского историка Х. Сяппеле. Сегодня исследователи выступают против возвеличивания его фигуры. Не добрая воля Маннергейма, а неспособность финской армии продолжать наступательные бои на Карельском перешейке и возросшее сопротивление советских войск остановили наступление финнов в сентябре 1941 года. Кроме того, дальше «старой границы» на Карельском перешейке финны не пошли, потому что Маннергейм не желал участвовать во взятии Ленинграда с практически неизбежным истреблением его жителей и приобретением статуса военного преступника. Грязную работу он хотел оставить немцам. Это не отменяло его планов создать Великую Финляндию от Невы до Урала с включением в состав сего государства ВСЕХ угро-финских народов СССР. Н. Константинова пишет о боях местного значения в карельских лесах. Хорошо известен лишь один по фильму «А зори здесь тихие». Но были и другие: фашисты не оставляли надежды на захват Мурманска и Кировской железной дороги. Вторая часть книги, «Были пламенных лет», посвящена Великой Отечественной войне. В основе ее — статьи Николая Афанасьевича Сотникова (1900—1978), драматурга, киносценариста, очеркиста. Статьи отца комментирует его сын, Н. Н. Сотников. Н. А. Сотников в первые дни войны записался в народное ополчение. Не сразу, как ограниченно годный по возрасту и по здоровью он дважды получал отказ. В рядах 42-й армии стоял у Пулковских высот, вел политпросветительскую работу. Тогда же завел «окопные тетради»: раздавал бойцам в окопах блокноты, альбомы, тетради, куда записывали свои мысли и пожелания те, кто держал оборону города. Состоявшийся киносценарист, автор фильмов об архитектуре Ленинграда, был прикомандирован к Объединенной киностудии, мог свободно передвигаться по городу. Работу в кино совмещал с основной — военного корреспондента в дивизионных газетах, где он опубликовал сотни корреспонденций, статей, очерков, заметок, репортажей. Он пишет о начале войны, о том, как спасалась бегством номенклатура среднего и младшего ранга, как просилась на восток знать писательская, приводит строки Н. Крандиевской, жены А. Толстого, оставшейся в Ленинграде: «А беженцы на самолетах взлетают в небо, как грачи, актеры в тысячных енотах, лауреаты и врачи...» Но в то же время в рядах народного ополчения был создан и так называемый писательский взвод. В своих очерках он вспоминает о фронтовых буднях и буднях блокадного города, о своем пути с берегов Невы до берегов Шпрее и обратно. В книгу включены военные очерки Н. А. Сотникова: «Ботаники вступают в бой», «Зоопарк в антракте между бомбежками», «Бронзовая стража». Он рассказывает и о трех встречах в блокадном Ленинграде с Алексием (Симанским), митрополитом Ленинградским и Новгородским, будущим Патриархом Московским и всея Руси. Вместе они обсуждали государственный заказ — документальный фильм о том, как ленинградские верующие собирают деньги и драгоценности на танковую колонну имени Дмитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского. Фильм был снят, к сожалению, он не сохранился. Завершается книга эпическим полотном: нескончаемая вереница из четырех потоков на широкой фронтовой дороге в мае 1945 года (очерк Н. А. Сотникова «На рассвете нашей победы») и послесловием сына с нестандартными воспоминаниями: «Отец очень редко и крайне скупно говорил о так называемой

Свою позицию она, человек, выросший уже во время независимой Украины, излагает и в интервью, и в стихах. «...Я очень любила страну, в которой мы жили. Но можно ли любить страну, которая посылает на тебя „Грады“? Которая желает тебе смерти?... Донбасс — это русские земли, с этим не поспоришь. Но это еще и русские люди. Может быть даже более русские, чем некоторые русские. Русские, разлученные с матерью... Людей Донбасса убивали за то, что они русские. Не россияне или пророссийские, а именно русские. Русскость — это не про паспорт. Это про язык, культурный код и самоидентификацию... Люди Донбасса для Украины никогда не были своими, а за восемь лет войны и вовсе стали чужаками. Донбасская война — это вообще про трагедию разделенности русского народа».

Наши степи никем не признаны,
наши улицы артобстреляны.
Нас дурачат из телевизора:
то мы разные, то мы целые,
то мы красные, то мы белые...
И пока мы вот так стоим —
Ядовитые, словно ртуть,
Я прошу, передай своим:
Ничего уже не вернуть... (2017)

В 2016 году вышла поэма А. Ревякиной о донецкой девушке, ставшей после смерти отца снайпером, — «Шахтерская дочь». Поэтическое повествование в форме былины или сказания. Е. Евтушенко назвал Анну Ревякину великой русской поэтессой, а С. Куняев поставил эту поэму в русской культуре на уровень плача Ярославны из «Слова о полку Игореве». «Читаю стихи Анны и удивляюсь, как она умудряется разглядеть в малом — великое, в подробностях жизни — целое, в обрывках чувств — неразрывную ткань мироздания. Хочу сказать ей, что жизнь, тем более разбитую вдребезги, рифмами не склеишь и, подобно живой воде, ими не окропишь, но понимаю, что она мне не поверит, потому что рождена для того, чтобы ронять „животворящие слезы“», — С. Куняев. Не менее выразительны отзывы земляков поэтессы. Вот один из них. «Это поэзия, вырвавшаяся из сердца, в ней нежность, боль утраты и гнев, беспощадный к врагам. Светел образ Марии, — „русококая ясна девица, в волосах голубой цветок... эта девочка — достоверная, как война, что в моем окне“. В поэме слышен плач провожающих на войну, это песня-молитва: „Дорогой отец, Не дари колец, Не дари цветов... Воротись, отец, Воротись, боец, Вот наш спелый сад, Вот ползучий гад, Райских яблоч сок, Этот сад есть Бог“. Отца убили, решение дочери — идти в ополчение, она — снайпер, защищает святое: „С нами Бог, с нами солнце И с нами дождь, зарядивший снайперскую винтовку“. В стихах Анны Ревякиной слышны отзвуки былин о русских девицах, о добрых молодцах, живота не жалеющих за свою родную землю. Порою напевные, стихи переходят на чеканный, жесткий шаг, когда речь идет о враге, холодном, сытом, беспощадном: „Кто принудил тебя к оружию, Кто послал убивать своих?“ Мария погибла в бою». А вместе с ней погибли и мечты о сыне, что похож на деда, о дочке, тоненькой, как березка.

Спит посреди степи
шахтерская дочка.
Травы над ней шумят —
дикие, колдовские,
а в небесах кружат
черные часовые.

Поэма включена в этот сборник, в 2022 году она вышла отдельным изданием.

Удивительно, насколько суровые, жесткие стихи пронизаны любовью: любовью к родной земле, к чернокаменному городу и его жителям, к отцу, дарившему настоящее счастье.

Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть...
Я люблю его, как ребенка,
 Не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нем все, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.

Этот сборник А. Ревякина называет своим поэтическим отчетом за восемь донбасских лет: «Если посмотреть на все полотно текстов, то становится понятно, как менялись настроения автора и лирических героев. От безнадеги, частично замороженного конфликта, который отбирал жизни не только военных, но и наших женщин, стариков, детей, до референдума надежды. Но я обману, если скажу, что донбассовцы ждут только мира. Из последних сил донецкие люди ждут победу. Донбассовцы ждут честного суда над военными преступниками, над теми, кто кошмарил нас долгие годы, кто обстреливал наши города, кто убивал наших женщин, детей, стариков». Стихи А. Ревякиной, созданные на предельном эмоциональном пике, на максимальной концентрации чувств, нечто большее, чем поэзия. Это голос Донецка.

**«Природу в звуки претворил...»: А. Н. Скрябин глазами современников.
М.; СПб.: Нестор-История, 2022. — 520 с.: ил.**

Александр Николаевич Скрябин (1872–1915), русский композитор и пианист, педагог, представитель символизма в музыке, — одна из ключевых фигур музыкальной жизни России начала XX века. Он вошел в русскую музыку в конце 1890-х годов и сразу заявил о себе как исключительная, ярко одаренная личность. Современник Серебряного века, Скрябин увлекался мистикой и эзотерикой, историей и культурой Востока. Встречался с С. Трубецким, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, был знаком с работами Канта, Фихте, Шопенгауэра, В. Соловьева. Особо увлекался философией Е. Блаватской. «Все это было тогда безумно популярно, — объясняет один из составителей сборника В. Попков. — Как передовой, модный и следящий за тенденциями человек, он, естественно, не мог пройти мимо. Мистические поиски отразились и на его произведениях». В сборнике несколько разделов. В первом публикуются интервью Скрябина. Их немного, композитор редко давал интервью прессе. Вот некоторые из суждений композитора, которого называли «русским Шопеном». «Да, я любил, мало сказать, обожал Шопена, когда-то, ложась спать, клал под подушку сочинения Шопена. Но со временем далеко ушел от Шопена... Осталась для меня яркой его необыкновенная музыкальность». «Я не примыкаю ни к одному из современных течений в искусстве. Не примыкаю сознательно». «Вся современная модернистская французская школа воспиталась на Мусоргском и Римском-Корсакове. Дебюсси, Равель и многие другие взяли материалы для своего творчества у Мусоргского, переработали его чрезвычайно тонко и культурно и создали полные глубочайшего интереса формы творчества. В настоя-

щее время замечается чрезвычайно интересное явление. В лучших произведениях наших молодых композиторов чувствуется влияние именно этих композиторов, культивировавших наше старинное искусство... Молодые русские композиторы находят заметно под влиянием французской школы, которая, с своей стороны, вся вытекала из наших — Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова и других». Во втором разделе публикуются воспоминания о Скрябине. Среди авторов дочери композитора Мария и Марина и те, кто знал композитора в детстве и юности по учебе в кадетском корпусе (по семейной традиции десятилетнего дворянина Скрябина отдали во 2-й Московский кадетский корпус). Впервые публикуются воспоминания Л. Лимантова, где живо рассказывается о детских шалостях кадетов, в которых принимал участие Саша Скрябин. Среди непубликуемых ранее воспоминаний особое место принадлежит мемуарам близкого друга Скрябина, блестящего пианиста М. Мейчика, который, помимо повествования о жизни Скрябина, дает подробный и ценный, особенно для пианистов-скрябинистов, разбор особенностей исполнения Александром Николаевичем своих сочинений. В развернутых воспоминаниях пианиста и музыковеда А. Дроздова, кроме фактов биографии Скрябина и сведений об особенностях исполнения им своих произведений, показан и «музыкальный контекст» середины 900-х годов. Новыми подробностями благодаря воспоминаниям учеников композитора обростает и образ Скрябина-педагога. Двоюродный брат композитора Аполлон Скрябин рассказывает о совместной работе на дачном участке, где ему выпало наблюдать трепетное отношение композитора к природе, к растениям. О встречах и беседах со Скрябиными в феврале 1906 года в маленьком итальянском городке Больяско вспоминают Г. Плеханов и его жена Р. Плеханова: в уважительных спорах Скрябин отстаивал положения теософского мистического идеализма, его оппонент — чистейшего диалектического материализма. Среди мемуаристов — поэт К. Бальмонт, скрипач Н. Авьерино, пианист Э. Боскэ, музыковед Р. Ньюмарч. В третьем разделе представлены письма двух жен композитора, В. Скрябиной и Т. Ф. Шлёцер-Скрябиной, к лицам, близким семье композитора. Много внимания в воспоминаниях уделено «Мистерии», грандиозному произведению для оркестра, света и 7000 певцов, в котором должны были объединиться все виды искусств: музыка, поэзия, танец, архитектура. Последние годы жизни Скрябин был поглощен работой над ней. Демонстрировать ее предполагалось в специально построенном храме на берегу Ганга. Он мечтал о новом синтетическом жанре, где «сольются не только звуки и цвета, но ароматы, пластика танца, стихи, лучи заката и мерцание звезд». Скрябин сформулировал теорию о связи цвета и звука, первым использовал при исполнении музыки цвет, конструируя свето-проекторные аппараты. Фактически с ним пришло понятие «светомызыка». Небольшой четвертый раздел включает высказывания тех, кто знал Скрябина и следил за его творчеством. Это известные философы, певцы, композиторы, дирижеры... Среди них Ц. Кюи, А. Зилоти, А. Глазунов, Ф. Шаляпин. В специальном разделе «Поэтические посвящения А. Скрябину» стихотворения ярких представителей Серебряного века, друзей Скрябина, стихи малоизвестных и неизвестных авторов. В итоге складывается объемное представление о Скрябине-музыканте и Скрябине-человеке. Близкий товарищ Скрябина А. Гольденвейзер пишет: «В Скрябине сочетались два человека: с одной стороны, художник, необычайно смелый, дерзновенный, с верой в свое исключительное призвание; с другой, дошедшей, в конце концов, почти до мании величия. С другой стороны, Скрябин был простым, внешне чрезвычайно благовоспитанным человеком, очень приятным, учтивым, никаких черт сверхчеловека ни в своем характере, ни во внешнем облике не проявлявшем. Самовозвеличивание, которое в значительной степени внушалось Скрябину группой окружающих его лиц, создавало в последние годы его жизни нездо-

ровую атмосферу поклонения и делало его каким-то мало естественным... Сам Скрябин явно бывал рад вырваться из этой атмосферы». Многие тексты публикуются впервые. В приложении помещены полные тексты обоих выпусков «Известий Петроградского Скрябинского общества» и два очерка А. Скрябина и В. Попкова, посвященные биографии композитора и истории Скрябинских обществ. Книга иллюстрирована фотографиями, факсимильными воспроизведениями документов и снабжена необходимым справочным аппаратом.

Юрий Зобнин. Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии.

СПб.: Издатель Геннадий Маркелов, 2021. — 200 с.

Историки до сих пор спорят о подлинных причинах и обстоятельствах гибели русского поэта Серебряного века, литератора, путешественника-африканиста Николая Гумилева (1886—1921, 26 августа). Участвовал ли он в «контрреволюционном заговоре»? Существовал ли этот заговор вообще или просто «сеть была слишком густой, и Гумилев не мог в нее не попасть»? Нет документально подтвержденных свидетельств о последних минутах жизни Гумилева. Осталась легенда, что его мужеством перед смертью восхищались даже палачи. А еще говорили, что «когда приговоренных к смерти выстроили перед расстрелом, на место казни прибыл молодой военный в щегольской форме, выскочил из машины и прокричал: — Кто здесь поэт Гумилев? Выходите из строя. Гумилев сделал шаг вперед, и, спокойным плавным жестом указал на двигающуюся за ним шеренгу: — А они? Молодой щеголь крикнул: Николай Степанович, не валяйте дурака! И услышал в ответ: — Здесь нет поэта Гумилева. Здесь есть офицер Гумилев. И встал в строй у ямы». Источниками легенд о гибели поэта стали слухи из третьих рук, запечатленные в мемуарах современников. Точно обозначить место казни невозможно, но первая жена Гумилева Анна Ахматова и его первый биограф П. Лукницкий называли местом казни и захоронения расстрелянных в августе по делу «Петроградской боевой организации» окраину Ржевского полигона близ Бернгардовки. Дурная слава окружала эти места с начала «красного террора» — поставленного с 5 сентября 1918 года на поток уничтожения заключенных. Исследователь литературы Серебряного века, специалист по творчеству Н. Гумилева Юрий Зобнин последовательно, детально воссоздает всю «видимую» жизнь Гумилева после его возвращения из Франции в Россию в 1918 году. Активная работа в литературных учреждениях, бытовые тяготы эпохи «военного коммунизма», эволюция взглядов, настроений, стихи. Парадоксальное решение поэта вернуться в большевистскую Россию, где конфискован его дом в Царском Селе и разграблена усадьба в Слепневе, было вызвано, считает автор, не патриотическими соображениями, а особой политикой Франции по отношению к русским. И указывает: поехал он все-таки не на «белый Дон», а в «красный Петроград», что свидетельствует о том, что в марте 1918 года поэт, по крайней мере, был не враждебен новому строю. Ю. Зобнин стремится представить все факты «конспиративной деятельности» Гумилева в 1920—1921 годах. По дням расписывает планы и дела поэта в последний месяц его жизни. И те, что подтверждаются документально, и те, что являются результатом гипотетической реконструкции, имеющей хоть какую-нибудь документальную основу. Подробно рассказывает, что представлял собой заговор, вошедший в историю под условным названием «таганцевского», в чем заключалось участие в нем Гумилева, как деятельность поэта выглядела с юридической точки зрения в исторической ситуации начала 20-х годов и как выглядит с современной точки зрения. По «делу Таганцева» 1921 года было арестовано 833 человека, 96 человек расстреляно по приго-

вору или убито при задержании, 83 отправлено в концентрационный лагерь. Автор повествует о судьбах и роли в заговоре реальных главарей организации кадровых офицеров Ю. Германа, В. Шведова и фигуры, в общем-то, второстепенной, профессора-географа Таганцева. Он восстанавливает ход процесса, поведение Таганцева и Гумилева на допросах, где, судя по последним фотографиям, поэт подвергался побоям. Ю. Зобнин воссоздает исторический фон, на котором развивались события, а история с «Петроградской боевой организацией» выглядела внушительно: крестьянская война в Тамбовской и Воронежской губерниях; Кронштадтский мятеж. И приходит к выводу, что Гумилев действительно участвовал в реально имевшей место в Петрограде 1920–1921 годов антибольшевистской подпольной организации («заговор Таганцева»). Но статус его в этой организации был весьма скромным, действия носили разовый, эпизодический характер. Ю. Зобнин выдвигает версию, что в смерти поэта в первую очередь повинен особоуполномоченный особого отдела ВЧК, представитель Москвы Я. Агранов (1893–1938), под контролем которого находилось расследование «петроградского заговора». Он специализировался на работе с научной и творческой интеллигенцией, и «дело Таганцева», одно из первых в Советской России дел после революции 1917 года, когда массовому расстрелу подверглись представители научной и творческой интеллигенции, являлось репетицией, проработкой будущих больших московских политических процессов. Расстрел Гумилева рассматривался им как акция устрашения, как прецедент. Кроме того, подспудно Агранов желал получить бессмертие, такое же, как Дантес и Мартынов. Мрачную роль в этом процессе сыграл член Президиума ВЧК В. Менжинский, лично давший Таганцеву слово, что все участники грядущего публичного (!) «очистительного и примирительного» процесса будут пощажены, никто не будет расстрелян, после чего Таганцев согласился дать показания о своей деятельности. Безуспешными оказались попытки М. Горького и экс-председателя Петроградской ГубЧК И. Бакаева спасти поэта. Выйдя на первых лиц государства, они услышали в ответ. От Ленина: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас». От Дзержинского, на вопрос: «Можно ли расстреливать одного из двух или трех величайших поэтов России?» — последовало: «Можем ли мы, расстреливая других, сделать исключение для поэта?» В советский период Гумилев в течение шестидесяти шести лет официально считался контрреволюционером, публикация его стихов практически была невозможна. Дело Таганцева под цензурный запрет не попадало, но пишет Ю. Зобнин, «советская власть 70 лет не могла простить то, что она его расстреляла». В 1991 года решением Верховного суда СССР Гумилев был реабилитирован посмертно. Предполагаемое место расстрела стало памятным: на топкой пустоши в Бернгардовке стоит простой железный крест, сваренный из обрезков двух труб, и лежат вокруг небольшие валуны: символические надгробия поэтов, убитых и замученных в России. Марина Левина: «О нем немало горестных стихов, / Но — после гибели. При жизни — мало. / Россия ничего не понимала, / Когда упал на землю Гумилев». Споры о подлинных причинах и обстоятельствах гибели русского поэта Серебряного века наверняка продолжатся.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)